

ПОЭТ И РОДИНА В ПОЗДНЕЙ ЛИРИКЕ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА

Д. Л. Карпов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Поступила в редакцию 1 ноября 2015 г.

Аннотация: статья посвящена теме отношений поэта и родины в творчестве О.Э. Мандельштама. Несмотря на то, что поэт редко использовал саму номинацию «родина», в его поэтическом творчестве явно обнаруживается сюжет непростых отношений со своей страной. В поэзии это находит отражение в трансформации важных образных оппозиций «центр – периферия», «день – ночь», ценностной переориентации.

Ключевые слова: О.Э. Мандельштам, поэзия О. Э. Мандельштама, тема родины, поэзия русского модернизма.

Abstract: the article considers the relationships between a poet and his Motherland in Mandelstam's works. In spite of the fact that the poet used the word "Motherland" very rarely, the plot of his intricate relationships with his native country is evidently revealed in Mandelstam's works. In the Mandelstam's poetry the plot is reflected in the transformation of the important oppositions center-periphery and day-night, and the value re-orientation.

Key-words: O. E. Mandelstam, Mandelstam's poetry, theme of Motherland, poetry of Russian modernism.

Что теперь ходим круг-да-около
На своём поле, как подпольщики?
А. Башлачёв

Поэзия Осипа Мандельштама, несмотря на уже сложившуюся исследовательскую традицию представляется одной из загадок русской литературы, сам поэт – известный узкому кругу современников – кажется воплощением самой поэзии, лёгкой и неуловимой. Общим местом в исследованиях, посвящённых поэзии О. Э. Мандельштама, стала мысль об ассоциативности его поэзии, «формировании в лирике способов романного мышления» [1, 62], есть мнение, что она «расшифровке на языке логики не поддаётся» [2, 129], на что было указано в уже ставших классическими работах по поэтике Мандельштама.

В то же время некоторые «зияния» в содержании произведений поэта, указывают на явно эксплицируемые смыслы в контексте всего его творчества и в контексте истории русской поэзии. Интересно, что Осип Мандельштам один из немногих, кто после себя не оставляет лирического сюжета о родине, темы, которая казалась не просто актуальной, но невозможной для умолчания. И вот в то время, когда Ходасевич хочет «с собой свою Россию / В дорожном уносить мешке», Цветаева, как будто «никуда не уехавшая», слышит от Чужбины-родины «вернись» – Мандельштам молчит.

Бесспорно, Россия является героиней лирики Мандельштама, чему подтверждение «Петербург-

ские строфы», посвящённые Н. Гумилёву, «Заснула чернь...», в этих стихах Россия «чудовищна», «тяжела», Россия связана в стихах Мандельштама с бунтом, путаницей («Декабрист», «Когда октябрьский нам готовил временщик»), в оппозиции к России часто находятся небо, природа, море (а в последних стихах Кама), столь значимое для Мандельштама, и юг вообще, прежде всего Крым, а потом и Закавказье («Не веря воскресенья чуду...», стихи Армении и пр.). Пожалуй, единственным стихотворением, выбивающимся из этого ряда, является небольшой текст 1914 года – «В белом раю лежит богатырь...», которое в равной степени может считаться продолжением традиций В. Жуковского и А. Блока. Есть также небольшой отрывок «Какая вещь Кассандра...», в нём поэтические нотки Блока чувствуются ещё сильнее.

Номинация «родина» в лирике Мандельштама почти не встречается, при этом необходимо отметить, что редко этим словом обозначается родина поэта, Россия. Единственное стихотворение, написанное мотивами и образами Некрасова, ранее, 1906 года, – «Тянется лесом дороженька пыльная».

Такое отношение с родиной, безусловно, объясняется многими причинами, на которые не однажды указывали исследователи творчества поэта: М. Л. Гаспаров отмечает, что «оторвавшийся от домашнего мещанского уклада своего детства и юности, оказавшийся в беспочвенной богемной среде, Мандельштам чувствовал себя в современности изгоем»

[3, 333], после присвоения культуры государством поэт двинулся к новой культуре, не оглядываясь назад, а там и не ждали. Более того, поэт, по его словам, воспринимал окружающий его мир, земные координаты иначе, нежели другие поэты: «Все города русские смешались в моей памяти и слились в один большой небывалый город с вечно санным путем, где Крещатик выходит на Арбат и Сумская на Большой проспект. Я люблю этот небывалый город больше, чем настоящие города порознь, люблю его, словно в нем родился, никогда из него не выезжал» [4, 23]. Совершенно прав был А. Блок, сказав о Мандельштаме: «Его стихи возникают из снов – очень своеобразных, лежащих в областях искусства только» [5, 173]. Эта мысль позже часто встречается в работах о творчестве Мандельштама. Отметим лишь, что географическое пространство России, действительно, очень редко появляется в текстах поэта, как в поэтических, так и в прозаических и эпистолярных. Характерно, что в письмах Мандельштама почти не встречаются описания местности или природы, его очерки Москвы и Петербурга сращены с бытовыми координатами, прагматикой жизни («Шуба», «Сухаревка»), исключением служит только экзотика Крыма и Закавказья. Россия Мандельштама всегда имеет оттенок враждебности, Мандельштам-очеркист выбирает материал, который, в противоположность идущей к тоталитарному оптимизму культуре, раскрывает тёмную сторону страны: «Люблю банки – эти зверинцы менял, где бухгалтеры сидят за решеткой, как опасные звери... Меня радует крепкая обувь горожан и то, что у мужчин серые английские рубашки, и грудь красноармейца просвечивает, как рентгеном, малиновыми ребрами» [4, 29]. Или: «Но русские базары, как Сухаревка, особенно жестоки и печальны в своем свирепом многолюдстве» [4, 33]. Поэту не так интересна конкретная «земная» Россия, он живёт в иных, культурных, координатах, в поэзии это выражается постоянным смешением географических координат: Москва – Флоренция, Рим на берегу Невы и пр. Его сознание привязано к конкретным местам, географическое представление поэта предельно детально, и каждая деталь имеет своё эстетическое содержание, это объясняет, почему в стихах Мандельштама так редко встречается Россия вообще, персонализированная страна, что нередко можно встретить у предшественников и современников поэта, он живёт в окружении культурных артефактов, культурных памятников, которые несут на себе печать времени, истории, искусства. Это и есть свобода Мандельштама от обстоятельств: «Душу от внешних условий / Освободить я умею...». «Неизменная отчизна» Мандельштама – это даже не мистическое «ad realiora» символистов, это постоянное переживание себя в культуре и культуры в себе, именно из этого чувства возникают пространственные коор-

динаты поэзии Мандельштама – Царское Село, Ая-София, Успенский собор, Исакий, соборы Москвы и др. Это всё координаты не «местного» мира, не напрасно Мандельштам подчёркивает: «Нет, никогда ничей я не был современник...», «С миром державным я был лишь ребячески связан...» и др.

В действительности это было очень нехарактерно для русского поэта: на фоне Пушкина, Некрасова, Блока, Есенина молчать о «крае родном»... Но это совершенно не означает, что Мандельштам не определяет своих отношений со страной, землёй, об этом не раз говорилось относительно стихов о Петербурге, Воронеже и др. Но осмелимся предположить также, что это не банальное отрицание враждебного культуре государства или пренебрежение к неустроенному пространству, в этом есть совершенно определённое акцентирование важной для поэта «изгоя» мысли – мысли, лёгшей в основание более поздних поэтических опытов поэтов, живших на той же земле, что и Мандельштам. Осмелимся предположить, что это одно из тех «опущенных звеньев» в творчестве Мандельштама, о которых упоминает Э. Герштейн, но из этих «звеньев» и рождается новая поэзия.

В поздней лирике поэта намечается оппозиция центра (прежде всего, Ленинград и Москва) и периферии (юг, Сибирь), при этом ценностным является второй компонент.

В стихотворении 1931 года «За гремучую доblesть грядущих веков...» поэт совершенно по-новому оценивает образ не новый в русской литературе: Сибирь из места ссылки и локуса авантюры превращается в убежище, в этом стихотворении оппозиция центр-периферия проявляется наиболее ярко:

*...Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей...*

*Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязи,
Ни кровавых костей в колесе...*

Также появляется и по-новому осмысленная оппозиция «ночь – день»: «Уведи меня в ночь, где течёт Енисей...». «Заря», «прозрение», «юность» молодой Советской России для поэта не является ценностным, зато ночь приобретает особые характеристики: «Чтоб сияли всю ночь голубые песцы», «сосна до звезды достаёт». При этом ночь не связана ни с образами сна, ни с образами печали, томления, вообще освобождаясь от темпоральных характеристик, становится особым локусом гармонии, лишённой текучести и изменения. Для поэзии симптоматичен такой выбор: ценностная инверсия – один из центральных приёмов современной поэзии и шире культуры, в этом можно видеть попытки обрести свою – автономную – территорию.

Следует отметить также и то, что оппозиция «центр-периферия» в данном случае имеет и культурную коннотацию: отсылая к стихотворению

Блока, Мандельштам отрекается от блоковского поэтизма, полностью отдаваясь простору берегов Енисея. Это стремление может быть связано с прорывом к новой культуре, не тронутой советской государственностью, или же может быть отречением от культурного, «былого» в принципе, желание чистого листа.

Последнее подтверждено тем, что в поздней лирике Мандельштама явно намечается переоценка культурных ценностей, это связано с мотивом искажения культурного текста:

*Что, если Ариост и Тассо, обворожаящие нас,
Чудовища с лазурным мозгом и чешуёй из влажных
глаз?*

И в наказание за гордыню, неисправимый звуколюб,

*Получишь уксусную губку ты для изменческих губ.
Не искушай чужих наречий, но постарайся не забыть...*

Поэт ощущает себя изменником, поддавшимся материальному миру, он всё реже находит в себе силы освободиться от «внешних условий». В сознании лирического героя можно наблюдать процесс деконструкции литературы, рушится последняя обитель, в которую можно было бежать, поэт остаётся один на один со страшным миром, у которого нет больше прошлого и нет будущего:

*Меня преследуют две-три случайных фразы,
Весь день твержу: печаль моя жирна...
О, Боже, как жирны и синеглазы
Стрекозы смерти — как лазурь черна!*

*Где первородство? Где счастливая повадка?
Где плавкий ястребок на самом дне очей?
Где вежество? Где горькая украдка?
Где ясный стан? Где прямызна речей...*

М. Л. Гаспаров подчёркивает важность трагических настроений поэта в последний период его творчества: «Все это не только стилистика – это мироощущение. Мандельштам последних лет разрывается между волей к жизни и волей к смерти» [3, 365], с пространством смерти в лирике 30-х годов связано пространство родины (этот мотив можно обнаружить и раньше, например, в стихах об умирающем Петрополе 1918 г.), которое связано с пространством несвободы, появляющимся в поэзии Мандельштама ещё в 20-е годы в виде «кандалов цепочек дверных».

Мандельштам со временем уходит от традиционных «спасительных» образов «храма» («О, этот воздух смутой пьяный»), сохранения традиций («1 января 1924»), к тридцатым годам он перестаёт верить в эфемерность происходящего в России, на что, безусловно, была надежда («Когда октябрьский нам готовил временщик», «Кто знает, может быть, не хватит мне свечи») и пр.

Образ смерти без надежды на воскрешение становится одним из центральных в поэзии Мандельштама этого времени:

*Я с дымящей лучиной вхожу
К шестипалой неправде в избу...
... Шасть к порогу – куда там! – В плечо
Уцепилась и тащит назад...
– Ничего, хорошо, хороша!
Я и сам ведь такой же, кума.
Я с дымящей лучиной вхожу*

*Я, кажется, в грядущее вхожу,
И, кажется, его я не увижу...*

С образом смерти тесно связаны и образ родины, превращающейся в призрака (Холодная весна. Голодный Старый Крым...), и мотив неуют: «Мне с каждым днём дышать всё тяжелее...», окружающее поэта пространство становится зловещим:

*И вместо ключа Иппокрены
Давнишнего страха струя
Ворвётся в халтурные стены
Московского злого жилья.*

В воронежских стихах поэт также часто обращается к танатологическим образам, сам Воронеж становится демоном поэта, он чужд Мандельштаму: «Ключик от чужой квартиры», «У чужих людей мне плохо спится», о негативной смысловой нагрузке образа квартиры, появляющегося в поздней поэзии, уже писала М. В. Медвидь [6]. Этим чувством, видимо, вызван и иронический стишок о яме Мандельштама.

Хотя после возвращения из Тамбова, где отдыхал, он перенёс очень тяжело, в письмах Мандельштам совершенно по-иному приветствует недавно покинутый им город: «Радуюсь Воронежу, как родному» [4, 537].

Воронеж для поэта одновременно и место заточения, и место спасения через приобщение к земле. «Место заточения – это прежде всего город, он крут и крив, гора и яма: «и переулков лающих чулки, и улиц перекошенных чуланы...» Место приобщения – черноземное поле, рабочая земля, жирный пласт, «комочки влажные моей земли и воли» [3, 362–363].

Но такая амбивалентность не становится спасительной в мире поэта, пространство несвободы – смерти – родины оказывается единым, поэтому в лирике последних лет усиливаются мотивы дороги и побега. Поиск места для побега становится одним из важнейших мотивов поздней лирики Мандельштама: «Чтобы нам уехать на вокзал, Где бы нас никто не отыскал», в ранней лирике этот мотив имел положительное значение, перекликающееся с пушкинской обителью трудов и чистых нег, например «Где больше неба мне — там я бродить готов».

Таким образом, происходит трансформация целого комплекса мотивов в поздней поэзии Мандельштама

ма: изменяется оценка пространства родины и культуры, появляется новое пространство для побега, противопоставленное первому, земная несвобода получает прямую связь со смертью и происходит разрыв культурными локусами. В итоге, читая позднего Мандельштама, можно заметить, что он приходит к новому осмыслению отношений «поэт – Родина»: происходит перелом в поэтическом сознании, разрыв с родным и дорогим. Тотальное одиночество – культурное и историческое, личное – итог его земной жизни. Потеря эта сущностна, и ещё более трагично то, что Мандельштам переживает её, находясь на родине, хотя само это понятие кажется уже нерелевантным, не применимым к тому пространству, в котором «заперт» поэт. Кажется, Мандельштам один из первых, кто почувствовал разрыв с землёй, на которой родился и вырос, не в силах жить «большевее», он пытается провести границу между собой и родиной, которая, впрочем, не спасает. Отчуждение становится важнейшим чувством в самоопределении поэта, которое приводит к трагическому мироощущению. Русская поэзия знала достаточно резкие, критические высказывания о «родной стороне», но безысходность, а главное – безответность, которая характеризует чувство Мандель-

штама, пожалуй, впервые высказана столь категорично. Более поэт – не поэт своей страны, а она ему не мать и не жена, даже не мачеха.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гутрина Л. Д. «Но не волк я по крови своей...» (Лирика лирического героя в «волчьем» цикле О. Э. Мандельштама) / Л. Д. Гутрина // Филологический класс. – 2004. – № 11 – С. 62–65.
2. Карпов А. С. Попробуйте меня от века оторвать! Осип Мандельштам / А. С. Карпов // Неугасимый свет. – М., 2001 – С. 111–171.
3. Гаспаров М. Л. Поэт и культура. Три поэтики Осипа Мандельштама / М. Л. Гаспаров // Избранные статьи. – М. : Новое литературное обозрение, 1995 – С. 327–370.
4. Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем: В трёх томах. – Т. 3. Проза. Письма / О. Э. Мандельштам. – М. : Прогресс-Плеяда, 2011.
5. Дневники Ал. Блока 1917–1921 / А. А. Блок; под ред. П. Н. Медведева. – Л. : Издательство писателей в Ленинграде, 1928.
6. Медвидь М. В. Идея дома в творчестве Осипа Мандельштама: автореф. дисс... канд. филолог. наук / М. В. Медвидь. – Нижний Новгород : НГУ, 2007.

*Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова*

*Карпов Д. Л., доцент кафедры общей и прикладной
филологии*

E-mail: karpovdl@yandex.ru

*Yaroslavl State University named after P. G. Demidov
Karpov D. L., Docent of the General and Applied Philology
Department*

E-mail: karpovdl@yandex.ru